

Никифорова Л.Л.**УДК 37(091) (477.75) “19-20”****ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭСТОНСКИХ УЧИТЕЛЕЙ В ЭСТОНСКИХ ОБЩИНАХ
КРЫМА (вторая половина XIX века – 30-е годы XX века)**

Крым исторически богат специфическими национальными и конфессиональными особенностями, в том числе в области образования. Лидирующие позиции эстонцев в становлении начального образования в Таврической губернии отмечались ещё в конце XIX века.

Цель данного сообщения - познакомить с результатами проведённых изысканий и попытаться показать особенности профессиональной деятельности эстонских учителей в эстонских общинах Крыма во второй половине XIX века – 30-е гг. XX века и ознакомить с педагогическим наследием эстонской народной школы в Крыму, обеспечившим столь высокие результаты.

После 1861 года эстонские учителя пришли в Крым, разорённый войной и опустевший после эмиграции крымских татар. Они оказались на пашне чужой культуры, брошенной чужим народом, но упорно и целенаправленно начали возделывать свою школьную ниву.

В новое для себя образовательное пространство эстонские учителя явились как представители высокой педагогической культуры. Они не могли не испытать желания проложить свою борозду на крымском образовательном поле, не испытать стойкого ощущения преимущества привносимых ими педагогических технологий. К началу XX века в Крыму сформировалась целая плеяда учителей, которые выработали в своих народных конфессиональных учебных заведениях и общинах эффективную методическую школу.

Как лютеране, эстонцы в пору своей крымской истории вынужденно шли рука об руку с крымскими немцами.

По данным всеобщей переписи населения (1897г.), в Таврической губернии немцы были третьей по численности группой населения и составляли 5,4% от общей численности, эсты - 0,2% населения губернии, всего эстонцев насчитывалось 2154 человека. Вместе эти два этноса составили 98,5% лютеранского населения Таврической губернии [4, с.14, с.29].

В документах Государственного архива в АРК выявлено только пять эстонских училищ. Они непосредственно подчинялись инспектору народных училищ своего учебного района, границы и наименования которого менялись. Руководство инспекциями осуществляла дирекция училищ Таврической губернии, подчинённая попечителю Одесского учебного округа.

Две эстонские школы находились в Симферопольском уезде. Это основанная в 1878 году Береговская школа (ранее Замрукская), и Учкую-Тарханская, основанная в 1882 году. А также три школы в Перекопском уезде: Джурчинская (основана в 1883 году), Сырт-Каракчоринская и Кончи-Шаввинская (обе основаны в 1887 году). То есть школьным строительством эстонцы вплотную занялись через 20 лет после переселения. К началу XX века, благодаря личности Адольфа Арнака, в культурном развитии эстонцев усиливается роль Симферопольского евангелически-лютеранского церковно-приходского училища [18, л. 68].

Первого октября 1899 года в деревне Акчора Александровской волости Перекопского уезда открылось уникальное для своего времени двухклассное министерское училище, в котором учились также дети эстонских переселенцев [8, л. 42]. Но по сведениям Оттомара Лаамана, названного потомками «хранителем памяти эстонской диаспоры», первая эстонская школа появилась в Крыму в 1872 году в селении Кадыкой. Известно имя учителя этой школы - Юри Томассон. Он опирался в своём умозаключении на письменные свидетельства соотечественников [25, пг 26: 1]. Имеются также крымские источники, показывающие существование в Крыму и других эстонских начальных школ.

Домовладельцы-арендаторы деревни Кабан-Актачи, согласно приговору от 16 декабря 1901 года, хлопотали перед руководством народных училищ Симферопольско-Евпаторийского района об открытии в их деревне школы грамоты и получили на это разрешение [9, л. 175]. Крымский эстонец студент Тартуского университета Александер Палло, к примеру, начальное образование получил в Курулу-Кипчакской школе [26, л. 1]. Однако проведённое исследование не выявило доказательств существования этой и других начальных эстонских школ, кроме названных выше пяти школ. По-видимому, следует иметь в виду период неофициального функционирования школ в селениях крымских эстонцев.

«В первые годы в силу экономических причин преобладало домашнее обучение, по крайней мере, читать детей родители учили сами. Посетивший крымских эстонцев в 1863 году пастор Валькер, проводивший в селениях богослужения, проверял умение детей читать, и остался доволен», - свидетельствует эстонский исследователь Хельдин Алик. (1, с.151)

Все пять эстонских училищ в Крыму по своему типу – это школы общественные. Сельские общины эстонских поселений как учредители своих начальных училищ и их содержатели финансировали школы самостоятельно, в основном оплачивая труд учителя-кистера, согласно принятым обязательствам по Приговору, и самостоятельно отбирая себе учителей. Поэтому с первых дней включения в структуру образовательной системы Таврической губернии эстонские учителя стали изначально подотчетными и сельской общине, и ведомству народного просвещения, и лютеранскому пасторату в Нейзаце (ныне Красногорское).

Архивные документы убедительно иллюстрируют, что в каждом из 5 эстонских училищ служил только один учитель-кистер, как правило, мужчина. Эстонские общины выбирали учителя в свою школу на сходах,

сразу оговаривая условия, на которые он приглашается. Эти условия фиксировались в особом документе – «Приговоре» («Kohtuotsus») и передавались инспектору своего уезда.

Община ожидала от приглашённого учителя универсальных умений. Говоря современным языком, эстонский учитель соединял в одном лице урокодателя, сельского духовника, писаря сельского совета и заведующего сельским клубом. Как учитель начальной школы, он «вёл» у своих учеников все предметы: Закон Божий (по лютеранскому вероисповеданию учащихся или большинства детей) – на родном языке, русский язык, первые четыре действия арифметики, пение – на родном языке. Если позволяли материальные средства поселян, то преподавались элементарные сведения по географии и истории России.

Как кистер вне урока он выполнял церковные обязанности: проводил по воскресениям богослужения, крестил детей, готовил отроков к конфирмации, отпевал умерших. Только венчание эстонцев возлагалось на пастора. Так, названного выше О. Лаамана, согласно документу *Ajalooarhiiv* [28, л.4], крестил в Самруке в 1900 году учитель-кистер Ленебах. Оскар Пуль крещён в Курулу-Кипчаке учителем А. Яксоном [27, л. 6]. А Иоганна Видакаса, одноклассника И.Сельвинского, ставшего прототипом одного из героев его романа «О, юность моя!», крестил в 1900 году в Курулу-Кипчаке учитель Людвиг Пууз [23, л. 158]. Так что учитель-кистер сопровождал эстонца по жизни с первых дней его рождения, поэтому учитель хорошо знал каждую семью. Согласно базовым документам для школ, обучающихся детей неправославных вероисповеданий («Положению начальных училищ» 1874 года, «Правилам школ для инородцев» («Правилам инородческих школ»), «Положению» 26 мая 1869 года), учитель «утверждал в народе религиозные и нравственные понятия», «распространял начальные полезные знания». Учителя в крымские эстонские школы приглашались из Эстляндии и Лифляндии, это были подданные Российской империи. И особенно важно, что учителя-кистеры, приезжающие из Эстонии, были носителями языка, национальных традиций и связующим с родиной звеном.

Документы архива показывают, что желающих получить место учителя в крымской школе было немало. К примеру, кроме Мартина Саарта в 1908 году на учительское место в Учкую-Тарханское эстонское училище претендовало ещё 25 человек! Но лично на место прибыл только Саарт - и был избран общиной [19, л. 215].

Карла Кристельштейна из Эстляндской губернии переселенцы выбрали учителем-кистером по объявлению в газетах «Kohtu» и «Aeg» [там же, лл. 123-124].

Жалование эстонского учителя в начале XIX века составляло от 245 до 400 рублей в год. В документах просматривается тенденция увеличения жалования учителю в последующие годы [10, л. 295; 20, лл. 211, 222]. Полагалась также квартира натурой. Учитель Андреас Туйск в автобиографии сообщал, что его учительское жалование на родине составляло 100-145 рублей в год, это и названо им основной причиной переселения в 1903 году в Крым [24, л. 68].

Прибывающие, а тем более, давно живущие в Крыму школьные учителя-эстонцы сразу же включались в строительство начальной народной школы в условиях растущих требований к просвещению народа и к самой школе как обязательному социальному институту общины.

Они инициировали создание ученических и учительских библиотек, как Иосип Лемендик из Перекопского района, потому что: «поселяне желают открыть ученическую и учительскую библиотеки при школьном доме. Средства надеются собрать с увеселительных вечеров и пожертвований». Библиотеки должны быть бесплатными, формироваться книгами по списку, одобренному учёным советом, и периодической печатью. Ответственность за библиотеку И. Лемендик брал на себя [11, л. 205, 207].

Учителя занимались учебниками. Даже в 1923 году учитель А. Лукас сумел добиться разрешения советских властей купить для Кончи-Шаввинской школы учебники в Эстонии, о чём оповестили местные эстонские «Post» и «Uuemad teated».

Работающие в эстонских школах учителя получали на месте некоторую методическую и интеллектуальную поддержку, например, по религиоведению - на конференциях для кистеров, проводимых лютеранскими пасторами. Уже проводились педагогические временные курсы в разных городах: Перекопе, Симферополе и др. [12, л. 131, 145; 13, л. 76].

Так или иначе, но учителя эстонских училищ оказались в водовороте активного общественно-педагогического движения.

В 80-е годы обсуждался проект Правил об устройении начального образования в колонистских селениях и обществах, позже, в 90-е годы, руководители образовательного ведомства изучали, насколько удовлетворены потребности сельского населения Таврической губернии в общедоступном начальном образовании. Инспектор училищ Симферопольского уезда Скворцов в 1904 году подтверждал: немецкие и эстонские поселенцы обеспечены начальным обучением. В документе раскрыты причины безусловного лидерства данных народностей:

1) курс учения и учебный год этих школ продолжительнее. Эстонские и немецкие дети учатся в школе 6-7 лет;

2) дети посещают школу значительно «аккуратнее» [14, л. 163].

Но в Эстонии 3-летнее школьное обучение стало обязательным на 30 лет раньше [5, с. 110].

В 1905 году в Ялте представители учительства колонистских поселений обсуждали самые актуальные вопросы практической деятельности «учителей инородческих школ» [15]. А в 1910 году эстонские учителя, как и всё учительство Российской губернии, должны были участвовать в однодневной переписи школ страны [16, л. 19-24].

В начале XX века между инспекторами неоднократно велась острая дискуссия по вопросу преподавания русского языка в колонистских учебных заведениях, которая в конечном итоге привела к

таким пафосным выводом: сделать так, чтобы дети полюбили русскую книгу и читали бы её помимо уроков. Пожалуй, без натяжки можно утверждать, что эстонские учителя смогли эту задачу осуществить: эстонцы - и дети, и взрослые - читали русскую книгу как в школе, так и в семье. А русский язык стал той коммуникативной образовательной основой, которая впоследствии открыла юным эстонцам путь в среднюю школу и дальше - в университеты.

Уроки пения – ещё одна характерная особенность эстонской школы, которую выявляют архивные документы. Пение преподавалось эстонскими учителями как обязательный предмет, а в 1895 году в Сырт-Каракчоринском училище преподавалась даже музыка. [10, л. 233]. Три мальчика здесь играли на музыкальных инструментах. А в Береговском училище уроки пения проходили в сопровождении фисгармонии [7, с. 19]. В графе «Особый вид занятий» ежегодного отчёта эстонские учителя не называли труд, ремёсла, сельскохозяйственную деятельность или гимнастику, но неизменно указывали пение – двухголосое, церковное и светское. Эти уроки посещали все указанные в отчёте учащиеся.

Деятельность учителя была под «правительственным надзором». Испытания учащихся народных школ в 1898 году интересовали даже губернатора Таврической губернии тайного советника шталмейстера П.М.Лазарева. Ему сообщалось, что 2 мая 1898 года проводились испытания в Кончи-Шаввинском и Сырт-Каракчоринском училищах [17, л. 26].

Без специального разрешения инспектора района учитель не мог прекратить занятия даже в период эпидемии, несмотря на то, что школу содержала община [21, л. 2].

Письменные и устные источники свидетельствуют, что культурно-образовательная деятельность эстонских учителей была очень разнообразна, что они много делали для досуга поселян-эстонцев. Создавали хоры и руководили ими. Руководили духовыми и скрипичными оркестрами. Народные театры под руководством учителя ставили пьесы, учителя руководили библиотеками, организовывали выставки-продажи, чтобы купить музыкальные инструменты, книги. Например, Карл Удаль перед отъездом в Крым, готовясь «к настоящему учительскому званию, подробнее знакомился с оркестровой и вокальной музыкой» в Таллинне [22, л. 41].

Человеком яркого общественного темперамента, моралистом в позитивном смысле был учитель из Кончи-Шаввы Август Лукас. Он обладал несомненными публицистическими способностями, поэтому эстонские газеты 1900-х годов охотно печатали его материалы о положении школьных учителей в Крыму, о духовной жизни крымских эстонцев, о молодёжных проблемах, о взаимоотношениях учитель - ученик.

Крымские учителя К.Рейнманн, Й.Тоом и А.Лукас в 1914 году создали комитет, чтобы, объединившись, противостоять мелким партийным амбициям и не допустить внешние вмешательства в школьный образовательный процесс, в духовное воспитание молодёжи (Postimees nr.156, Paevaleht nr.155). Именно это, в первую очередь, беспокоило учителей крымских эстонцев накануне I Мировой войны. Но война трагически изменила всё: планы на будущее, судьбы семей и целого этноса, судьбу всей страны. Есть архивное свидетельство, что учитель Тоом из Джурчи был призван на военную службу, а вот вернулся ли он, живой и невредимый, неизвестно.

Литературным творчеством активно занимались многие учителя, в том числе Йоханнес Норманн из Сырт-Каракчоры. Его перу принадлежат юмористические и рождественские рассказы, детские пьески с песнями и танцами, спектакли романтического и морализаторского плана - «о жизни». Двадцатилетний Норманн выступил и как переводчик рассказа Льва Толстого «Хозяин и работник». Его маленькие, в полтора десятка страниц, и более объёмные произведения выходили тиражами до 1000 экземпляров в Таллинне, Тарту, Вильянди, Нарве.

Можно назвать имена и других учителей крымских эстонцев (Й.Кальмусаара, Карла Кидера (псевдоним Реедик Соар), которые способствовали росту национального самосознания этноса не только своим скромным учительским трудом, но и литературным творчеством, журналистикой.

Замечательный крымский учитель Андрей Мартович Туйск, ещё не оценён по достоинству. Это, пожалуй, единственный учитель, прибывший в Крым в период активного освоения крымского образовательного пространства в начале XX века и оставшийся в нашей, керченской, земле навечно. Есть и другие имена, но это уже педагоги другой генерации, ученики и даже юные коллеги Туйска, например, Арнольд Киви, похороненный в Евпатории.

По канонам лютеранства эстонские учителя доносили Слово Божье до прихожан на их родном эстонском языке. Именно эта традиция национального богослужения была базисным источником формирования культурного сознания и конфессионального единения крымских эстонцев. В реальной школьной практике по воскресным дням учебный класс становился церковным помещением, кафедральный подиум превращался в алтарь, над которым висела икона. А в Береговской школе – это была копия картины Йохана Кёлера (1826-1899), основоположника эстонской национальной школы живописи, «Приидите ко мне все страждущие». О.Лааман свидетельствует, что исполнил её молодой симферопольский художник Кыхелик [7, с. 19].

Нравственно-просветительское воздействие религии было у крымских эстонцев неизменно значительным. Именно религия стала дополнительным мощным фактором, препятствующим этнической ассимиляции в условиях иноязычного поликультурного окружения.

Тезис Мартина Лютера о непосредственной связи человека с Богом, без посредничества представителей официальной церкви предполагал право верующего свободно читать и толковать Библию. В силу этого, какого бы возраста верующий ни был, он должен быть, в первую очередь, человеком

читающим, и его роль в богослужении должна быть активной и незаменимой. Именно на это была направлена образовательно-просветительская деятельность семьи и учителей-кистеров, на которых возлагалась ответственность за подготовку юной паствы к конфирмации. Они действовали как союзники в духовном и нравственном воспитании эстонских детей. Чтение как главная образовательная технология в этих условиях получало у эстонских учеников высокую мотивацию.

Система ценностей, сформированная ещё в Эстонии семьёй и общиной, определила соответствующую модель поведения эстонца-родителя: сначала собственных чад учили дома читать по слогам и изучали катехизис под руководством матери, но под контролем приходящего проверить успехи учителя. А с 10-летнего возраста одну-две зимы дети посещали школу [2, с. 156]. Отсюда – высокая значимость домашнего обучения и весомая роль матери, на плечах которой лежала ответственность за этот этап образования собственного ребёнка. У эстонцев нормой было умение детей читать к тому моменту, когда они приходили в школу. О.Лааман в шесть лет пошёл в школу, уже умея читать, потому что «был большой позор, если ребёнок, идя в школу, не умеет читать» [7, с.21].

Как известно, к концу XIX века понятие «грамотность» населения стало важной характеристикой культурно-образовательного уровня страны. «Грамотными считали каждого, умеющего читать и подписать свою фамилию на родном языке», поясняется в «Памятной книжки Таврической губернии» под редакцией К.А.Вернера (3, Отд. II, с.40).

Согласно всеобщей переписи населения 1897 года, на первом месте в Таврической губернии по грамотности находились эстонцы. Это 73,81% - мужчин и 71,77% - женщин. Вслед за ними шли немцы, евреи, чехи и т.д. Если же для сравнения проанализировать умение читать и писать на русском языке, то «группы населения, причисляемые к инородческим, оказываются гораздо грамотнее по-русски, чем сами русские!..» - изумлённо констатировали составители «Статистического справочника Таврической губернии» [4, с.50]. Среди мужчин читали и писали по-русски 51,63% - евреев, 46,06% - немцев и 45,57% - мужчин-эстонцев. У женщин I место занимали эстонки – 39,01% от общего количества. Среди 11 губерний Юга России, несмотря на незначительный процент грамотных, - 27,9% из 100 жителей обоего пола Таврической губернии - этот показатель всё же самый высокий. «Столь счастливому своему положению в ряду других губерний Юга России относительно грамотности, наша Таврида исключительно обязана инородческим и пришлым народностям, населяющим губернию», - подчёркивал тот же справочник [4, с. 54-55].

Для сравнения, в Бельгии в это же время на 100 жителей обоего пола было 99,8% грамотных граждан, в Германии – 98%, во Франции – 97,9%, в Англии – 92%, в Соединённых Северо-Американских Штатах – 89,3%, в Финляндии – 85% населения страны [4, с.55]. Вслед за ними могли бы вписаться и крымские эстонцы, т.е. занять 7-е место в мире после финнов. Безусловно, результаты работы эстонских учителей в просвещении народа были действительно высоки. Почему?

Очевидно, в силу лютеранских традиций, чтение как одна из культурных технологий, наряду с музыкой, имело статус определяющих умений в религиозной практике эстонцев, обязательными, контролируемыми умениями при подготовке детей к конфирмации. Религиозная направленность эстонской национальной школы обеспечивала высокую мотивацию учения ребёнка, которая одинаково ответственно осознавалась и детьми, и взрослыми. Кроме того, привычка учиться, европейские традиции образования – это, безусловно, ментальная черта эстонского этноса. Лидер культурного возрождения эстонцев Якоб Хурт провозглашал: «Раз мы не можем быть великими силой или числом, мы можем стать великими в культуре!»

Гонение на церковь и её служителей в 30-е годы минувшего столетия самым непосредственным образом отразилось на состоянии национальной школы. Во второй половине 20-х годов был ещё короткий период торжества родного языка в национальных школах Крыма – период «коренизации». Но решения партии и правительства 1938 года надолго прекратили существование национальной школы в СССР.

Борьба новой власти с церковнослужителями отразилась самым непосредственным образом на судьбе эстонских учителей-кистеров и даже членов их семей. Учитель Андреас Туйск за бывшую кистерскую деятельность был новой властью отстранён от учительской работы.

Судьба учителя Карла Карловича Удаля трагична. Как истинно верующий христианин и цельная личность, он не принял требование советской власти оставить кистерские обязанности. После ареста в 1930 году пропал без вести.

Результаты деятельности эстонского учителя убедительно можно проиллюстрировать не только процентами грамотности, но и на примере дальнейшей успешной самореализации эстонцев-гимназистов. В 1910 году полное среднее образование в Евпаторийской гимназии получил Александр Петрович Палло, в 1912 – Томас Вильгельмович Синберг, а в 1914 году аттестат Евпаторийской гимназии было выдано Оскару Гансовичу Пулло. Все они продолжили своё образование в Тартуском (Юрьевском) университете: Палло - на юридическом факультете, Пулло и Синберг - на физико-математическом факультете, агрономическом отделении. Возможно, такой выбор молодых людей объясняется тем, что в Евпаторийской гимназии их учителем был Иван Иванович Иванов, окончивший в 1908 году физико-математический факультет Тартуского университета со степенью кандидата физико-математических наук.

Из биографического справочника Министерства иностранных дел Эстонии (2006 г.) можно узнать, что крымский эстонец Александр Палло был участником I Мировой и Гражданской войн и после этого вернулся в Эстонию. Выпускник Евпаторийской гимназии сделал яркую дипломатическую карьеру. Похоронен в Стокгольме [6, с. 87-88].

Оттомар Лааман, будучи с 1922 года студентом юридического факультета Тартуского университета, ещё в студенческую пору публиковал статьи об истории эстонских поселений. В Торонто в 1981 году он

издал замечательную книгу «Malestused Krimmist» («Воспоминания о Крыме»). В ней есть очень ценное описание alma mater автора – Евпаторийской мужской гимназии. После Ильи Сельвинского, одноклассника Оттомара Лаамана, «Воспоминания» Лаамана – наиболее детальный рассказ о гимназии десятых годов XX века.

Самый известный в Эстонии и, конечно, в Крыму эстонец, который, как считается, первым поступил в 1899 году в Александровскую Керченскую гимназию, – это Эдуард Лааман, уроженец Берегового. Он вошёл в историю Эстонской республики как выдающийся публицист, общественный деятель, дипломат, автор капитального труда «Рождение независимой Эстонии».

Подводя итог, отметим основные принципы эффективного функционирования народных профессиональных учебных заведений для эстонцев. Это – приоритет духовного начала в учебном процессе; соединение в личности учителя двух ипостасей – кистера и учащего; тесная органическая связь учителя с духовной и культурной жизнью общины; преемственность национальных традиций воспитания детей, принципов сложившейся в Эстонии модели народной школы и эффективных педагогических технологий; высокая профессиональная культура учителей; связь с родиной, Эстонией.

Итак, приход эстонских учителей в Крым совпал с формированием в Таврической губернии системы начального национального образования, в которую они внесли несомненную значимую лепту. Крымские начальные учебные заведения эстонцев, являясь народно-просветительскими и национально-религиозными учреждениями, вывели интеллектуально-культурный уровень своего народа по грамотности на первые позиции в Таврической губернии. Крымские учителя юных эстонцев подтвердили статус школы как традиционного средства сохранения родного языка и национального самосознания народа.

Источники и литература:

1. Аллик Хельдин. Учителя в эстонских поселениях в 1861-1920 гг. (по документам культурно-исторического архива Эстонского литературного музея) / Аллик Хельдин // Krimmi kogumik = Крымский сборник. – Tartu, 2011. – Вып. III. – 485 с.
2. Андресен Лембит. Эстонские народные школы в XVII - XIX веках / Андресен Лембит. – Таллинн : Валгус, 1980.
3. Сборник статистических сведений по Таврической губернии. – Симферополь : Тип. газеты «Крым», 1889. – Т. IX : Памятная книжка Таврической губернии / Изд. Таврич. Губерн. Земства.
4. Статистический справочник Таврической губернии / сост. Ф. А. Андриевский. – Симферополь : Тип. Таврич. Губерн. Земства, 1915.
5. Andresen L. Eesti kooli ajalugu. Algusest kuni 1940.aastani / L. Andresen. – Tallinn, 2003.
6. Laamann Ottomar. Malestused Krimmist / Laamann Ottomar. – Toronto : Estoprint, 1981. – 173 lk. : ill.
7. Eesti välisteenistus. Biograafiline leksikon 1918-1991. – Välisministeerium, 2006.
8. Laamann Ottomar. Malestused Krimmist / Laamann Ottomar. – Toronto : Estoprint, 1981. – 173 lk. : ill.
9. ГААРК (Государственный архив Автономной Республики Крым). – Ф. 100. – Оп. 1. – Д. 2221. – Л. 42.
10. ГААРК. – Ф. 100. – Оп. 6. – Д. 10. – Л. 175.
11. ГААРК. – Ф. 100. – Оп. 1. – Д. 2123. – Л. 295, 233.
12. ГААРК. – Ф. 100. – Оп. 1. – Д. 2515. – Л. 205, 207.
13. ГААРК. – Ф. 100. – Оп. 1. – Д. 2136. – Л. 131, 145.
14. ГААРК. – Ф. 100. – Оп. 1. – Д. 2162. – Л. 76.
15. ГААРК. – Ф. 100. – Оп. 1. – Д. 2321. – Л. 163.
16. ГААРК. – Ф. 100. – Оп. 1. – Д. 2345.
17. ГААРК. – Ф. 100. – Оп. 1. – Д. 2489. – Л. 19-24.
18. ГААРК. – Ф. 100. – Оп. 1. – Д. 2148. – Л. 26.
19. ГААРК. – Ф. 212. – Оп. 1. – Д. 95. – Л. 68.
20. ГААРК. – Ф. 212. – Оп. 1. – Д. 164. – Л. 215, 123, 124
21. ГААРК. – Ф. 212. – Оп. 1. – Д. 243. – Л. 211, 222.
22. ГААРК. – Ф. 212. – Оп. 1. – Д. 72. – Л. 2.
23. ГААРК. – Ф. 73. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 41.
24. ГААРК. – Ф. 546. – Оп. 1. – Д. 201. – Л. 158.
25. ГААРК. – Ф. Р.-20. – Оп. 9. – Д. 576. – Л. 68.
26. ЕКМ (Эстонский литературный музей), ЕКЛА (Эстонский архив истории культуры). – Fond 153. – Nr. 26: 1.
27. Ajalooarhiiv = Исторический архив Эстонии. – Fond 1767. – Nimistu 1. – Säilik 1357. – L. 1.27; Ajalooarhiiv. – Fond 402. – Nimistu 1. – Säilik 21649. – L. 6.
28. Ajalooarhiiv. – Fond 2100. – Nimistu 1. – Säilik 6963. – Lk. 4.